

Русаков В. М.

«ГОСТЬ» КАК КУЛЬТУРНО-ИСТОРИЧЕСКИЙ ФЕНОМЕН

Русаков
Василий Матвеевич

доктор философских наук, профессор
Институт международных связей, г. Екатеринбург,
вице-президент МАДИ

Категория «гость» (англ.: *guest*) и производная от него – «гостеприимство» (англ.: *hospitality*; древнегреч.: *φιλοξενία*) – охватывают необыкновенно широкий круг социокультурных явлений, как в диахроническом, так и в синхроническом аспектах. Общим местом этнографических описаний стали констатации в том смысле, что обычаи гостеприимства весьма свойственны такому-то народу. Далее обыкновенно следуют цветистые перечисления разнообразных вариаций этой добродетели в разных странах, у разных народов с непременным указанием на то, что своими корнями она уходит в незапамятную древность. И это действительно так: справедливо говорить о необычайном гостеприимстве арабов и нельзя умолчать о гостеприимстве на Кавказе или в Средней Азии, в то же время не обидев славные традиции гостеприимства в Китае или Индии. Верно также, что корни этих явлений уходят в глубокое прошлое человечества¹.

Прежде всего, рассмотрим концепт «Гость» и его модификации в истории разных народов. «Этимология слова – «гостеприимство» (*hospitium*) восходит к общеиндоевропейскому корню и связана с родственными понятиями – *hospes/hostis*, когда этим словом обозначали не только «врага», «неприятеля», но и вообще «чужого человека», «чужака», «чужеземца, нарушающего границы» – указывают исследователи. Известно, что это слово присутствует и в германских (*der Gast*), и в славянских языках («Гость»). «Ближайшей

анalogией латинскому языку *hospes/hostis* в греческом языке является слово *ζέως* (гость, чужеземец)»² – и далее: «Этимология слова – *hospitium* примечательна и в том отношении, что она показывает развитие мышления человека древности, когда окружающий мир мыслился как разделенный на два противоположных мира – на мир чужой и мир свой»³. В этом плане важно заметить исходную амбивалентность данного концепта, схватывающего дуальность «свой-чужой». Он включал, поэтому, изначальную раздвоенность: «гость» как объект некоего почтения и даже поклонения (оказание ему всяческого почета и уважения), и «гость» – как обуза, отягощение, обременение и даже угроза (вспомним угрюмых ребят с замечательной картины Н. Рериха «Заморские гости»).

Гость – это купец, торговый человек, пребывающий в данный момент на чужой земле, в чужой стране (вариант другого, не менее архетипического концепта – «Путник») ⁴. Из чуждости гостя («чужестранец»), неопределенности его происхождения таится его двоякая потенция: он может быть носителем блага (в том числе – высшего, запредельного человеку, и тогда – это библейские ангелы, как бы случайно забредающие в дом Авраама (чтобы сообщить весть о предстоящем рождении Исаака) или в дом Лота (чтобы спасти его от грядущей кары); но он может быть и носителем угрозы – это возможный шпион, соглядатай и вражеский лазутчик, возможный сообщитель иных каких-либо опасных сил; в конце концов, щедрость гостеприимства накладна, обременительна и даже разорительна.

В первом случае самое утилитарное отношение к гостю многообразно проявляется в том, что он приносит вести о внешнем мире (обычай расспросов гостей: «Ой вы, гости-господа, вы откуда и куда?»), его используют для увеличения плодovitости племени (предло-

жение гостю женщин, храмовая проституция). Поэтому гость пользуется защитой хозяина, его расположением и покровительством. Во втором случае гостя надлежит должным образом (щедро) угостить, хлебосольно и радушно принять («задобрить»?), но если он превысит некий положенный срок, он может попасть в зависимое положение от хозяина.

Как могло возникнуть такое сложное и противоречивое явление? Ведь хорошо известны нравы и обычаи дикости и варварства: чужой – он ведь даже не «человек», на него можно охотиться, употреблять в пищу, захватив в плен – продать, убить. Очевидно, возраставшие потребности общения и взаимодействия (необходимость и неизбежность взаимодействия) порождает промежуточные формы, несущие в себе исходную двойственность. В противном случае, наблюдают историки, гостеприимство распространяется только на соплеменников или единоверцев.

Важную роль (как и везде в дуалистически расколотом мировоззрении) играют «посредники» – «побратимы», «кунаки», «послы» (купцы)

и «консулы», которые получали особый статус и роль. Их полагалось охранять, делить с ними кров и пищу. Только обретавший такой статус человек становился «гостем» и на него распространялись блага гостеприимства.

Статус гостя, при всех многих выгодах его положения, налагал все-таки ряд обязательств на него – он обязан был соблюдать законы приютившего его дома. Гость в большинстве случаев должен был оставлять оружие на пороге дома. Гость должен был отвечать на расспросы хозяина. Гость не должен

оставаться, как правило, дольше трех дней. Гостю надлежит быть скромным в еде и питье и расхваливать щедрость хозяина. При том, что хозяин обязан оказать всяческие знаки внимания вплоть до момента проводов гостя и вручения подарков, последнему также следует иметь подарки для хозяина и членов его семьи. Существуют довольно детализированные правила пространственно-временной организации пребывания гостя в приютившем его доме. Не менее детализированы бывают гостевые трапезы, в которых весьма тщательно фиксируются как продукты питания, так их распределение и употребление в соответствии со скрупулезно отслеживаемым статусом гостей (мужчины, женщины, старшие, младшие, почетные, простые гости и т. п.).

В национально-этнических культурах существует множество различных модификаций Гостя: «званные» (почетные и дорогие) и «незванные» (которые, понятно, хуже кого), «случайные» и «обязательные», «гости-сваты» и «дочь-гость» (в доме родителей), «гости-купцы» и дипломаты-послы.

Двадцатый век

явил миру как реальных «гастарбайтеров», «дауншифтеров»⁵, так и фантомных – «гостей из будущего», «параллельных миров» и «виртуальных реальностей».

Формируется целый мир антропологических практик гостеприимства. В этих процессах формировались структуры гостеприимства: договоры, субъекты, учреждения, инфраструктура (убежища для странников, странноприимные дома, специальные защитники и попечители иностранцев (древнегреч.: «проксены»), проторенные пути гостей, гостиницы, отели,

приюты). Чем острее формировалась потребность в совместном взаимодействии, тем строже закреплялось гостеприимство обрядами, обычаями и традициями. Возрастала жесткость санкций за нарушение этих обычаев и традиций. Подтверждением тому, что гостеприимство вовсе не заложено «от природы» (как иной раз можно услышать от пребывающих в этническом самолюбании) является факт прекращения защиты и покровительства гостя за порогом гостеприимного дома: как только гость покидает кров хозяина, тот обыкновенно волен поступать с ним как ему заблагорассудится (если, опять-таки, они уже не были связаны клятвой побратимства и т. п.).

Дискурс-анализ концепта «Гость» и «гостеприимства» нацеливает наше внимание на ряд аспектов дискурса. Практики гостеприимства неизбежно разрастались, усложнялись и обрастали материально-вещными «оболочками» – «гостиницы», «гостинные», сувениры и подарки для гостей, гостевые трапезы и гостевая еда, гостевые маршруты и пути (караванные тропы, «Путь из варяг в греки») и т. п., вплоть до современной настоящей «индустрии гостеприимства», на которой строится благосостояние многих стран. Эта вещно-предметная среда «оживала» в другой оболочке: тщательно культивируемых обрядов, обычаев и традиций, а в последующем и писаных законов – вплоть до международного права и полуанекдотических поползновений народных избранников составлять некие «Кодексы поведения для гостей столиц».

Нельзя обойти вниманием и такой аспект концепта Гость как его тесную связь с травелогом: гостеприимство включает разнообразные речевые практики, сопровождающие этот процесс. Гость обязан рассказывать о заморских диковинах и чудесах своим гостеприимным хозяевам, а вместе они обязательно придерживаются установленных риторических правил вежливости и благорасположения. По возвращении домой «из гостей» составляются отчеты и доклады (командированных и шпионов-соглядатаев), путевые дневники («Записки русского путешественника»), впечатления о загра-

нице, травелогом как travel-blogs. Для Путников, которые превращаются в Гостей, составляются лоции и карты, путеводители и справочники, сборники полезных советов, оформляются соответствующие документы (проездные-прогонные –подорожные; визы-разрешения).

Примечания:

1. Напр.: P. Monceaux. Les Proxénies grecques. (Faculte des lettres): Theses. Ed.: Thorin. Paris, 1885. См.: «Подвластные и гости» в кн.: Теодор Моммзен. История Рима. Т. 1. – СПб.: «НАУКА», «ЮВЕНТА», 1997. С. 84–85.
2. Ю.К. Колосовская. Гостеприимство как право народов древнего Рима. // Закон и обычай гостеприимства в античном мире. Доклады конференции – М., ИВИ РАН, 1999. С. 49–50.
3. Там же. С. 50.
4. См.: В.М. Русаков. Дискурс травелого: образ Пути и Путника в мировой культуре // Дискурс травелого. Сб. ст. Екатеринбург, ИМС, 2009. С. 131–139.
5. В России дауншифтинг чаще всего воспринимают как переселение в развивающуюся страну (особенно популярны Индия и Таиланд), при этом источником средств к существованию часто является сдача в аренду квартиры в России // <http://www.vokrugsveta.ru/telegraph/theory/653/>.